

ПОЛЕ ПОДСОЛНУХОВ

РОМАН

Иногда один разговор
может изменить не только вечер,
но и всю твою жизнь.

АВТОР

АРТУР ГАВРОНЧУК

Артур Гаврончук

Поле подсолнухов

<https://litres.ru/74096326>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ему 33 года. Он Senior Backend Engineer и в третий раз улетает на Пхукет — не за отпуском, а потому, что больше не знает, куда бежать. Позади — разрушенные отношения, работа, потерявшая смысл, и жизнь, которая давно перестала приносить радость.

Днём он работает. Ночами сидит в круглосуточном Макдональдсе, ездит на пустынный утёс над океаном и однажды встречает девушку, которая знает о нём больше, чем должна.

«Поле подсолнухов» — мистический психологический роман о надежде, одиночестве и о том, что иногда одной случайной встречи достаточно, чтобы начать жизнь заново.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Артур Гаврончук

Поле подсолнухов

Глава 1

Самолет

Он сидел, вжавшись в кресло, и проклинал этого паренька на стойке регистрации, который «по доброте душевной» дал ему билеты в центре самолёта, в середине ряда, зажатый с обеих сторон. А ведь он его ещё поблагодарил.

Поганое место — 14F. Буду ещё долго его помнить. Как обычно, сразу хочется в туалет. Вот уже взлёт, и сердце колотится. Сразу мысль: «Ну всё, точно инфаркт». Рядом сидит какой-то мужик со своей «девушкой» и смотрит на меня. Забавно, что я знаю, о чём он думает. Думает, что я знаю, что она «не с ним». Он ей дружок, и вот он неловко берёт её за руку. Он знает, что я всё знаю.

С другой стороны сидит девушка в шортах, с голыми ногами. Ловлю себя на мысли, что она ничего. Внутри что-то тёплое, родное. Забавно.

Удивительно, как 9 часов, проведённые рядом с человеком, могут к нему привязать. А может, привязало то, что

впервые за долгое время рядом человек? Островок тепла, и кто-то рядом — не один. То, что нужно. А нужно ли?

Хммм... Забавно, она не доела розданную еду. Так хочется её салат. Попросил. Она сказала: «Бери, конечно». Да, она классная. Ха, можно сказать, она меня кормит. Делится едой — это так мило.

В тот день не случился инфаркт у пассажира на месте 14F. Самолёт побежал по посадочной полосе в Пхукете, и удушающая, но в то же время обволакивающая жара обняла его, как козлёнок обнимает грелку, которую ему дал добрый фермер, чтобы она заменяла ему мать, которую уже второй день они всей семьёй уплетают за обе щеки.

Бегство

Дальше уже по накатанной: один и тот же отель у аэропорта, одни и те же лица тайки на ресепшене, и вот побежали снова эти три месяца дня сурка.

Но, несмотря на гнетущее настроение и будто бы надвинутую на голову медную кастрюлю, по которой раз в два часа кто-то стучит, он радовался, что уехал из того ненавистного города. Наконец-то можно отдохнуть от этого угара и такого же дня сурка, только в профиль. Смотреть не на радостные лица тайцев на мопедах, а на угрюмые, забитые, измученные работой и столичным мегаполисным вайбом лица в метро. Хорошо, что на Пхукете нет метро. Мерзкие, жуткие рожи,

измученные работой, они всё ещё стоят перед глазами.

Но вот уже прошло несколько дней, стало полегче. Чуть спала пелена, и он доехал наконец-то на арендованном байке до Макдональдса, основного места притяжения местного бомонда со всей округи. Забавное место этот макдак. Если достаточно долго в нём сидеть, можно увидеть саму жизнь. Кто только сюда не приходит: перепуганные туристы, толстяки, кто-то ест, кто-то подавился. Кто-то в компе, кто-то при весе 120 кг уже уплетает четвертое мороженое, одновременно что-то записывая в тик-ток. Что может быть нелепее, чем измазанное в мороженом лицо и пальцы, которые жадно разрывают упаковку, чтобы добраться до самой мякотки той капли спасительного крема и шоколадной крошки, которая так предательски недосягаема языком.

И вот, смотря на этих людей, на то, что творится в этом маке, он думал, видел себя будто бы со стороны. Как сидит за столом, напротив входа. Как смотрят на него, а он — на них. Вот уже 4 утра — время убираться, мести полы, и недовольная тайка-уборщица, гремит стульями, и каждый удар стула по столу и кафелю отдается в голове. Но ему плевать, ничего нет, он не чувствует. Злоба где-то внутри. Это раньше он бы вспылил, что-то кричал, может, и схватил бы эти стулья, и начал всё расставлять, чтобы быстрее закончить это представление и таки заняться этой дурацкой визой таланта. Но не теперь, теперь нет ничего, всё вышло, есть только жуткая, ужасная, всепоглощающая пустота, которая, кажет-

ся, проникает в каждый отдел мозга, в каждую клетку, проникает внутрь.

Все эти мысли, как водоворот, крутились в его голове. Так же, как в совке тайки крутился кусок курицы, который никак не хотел попадать в него, и от этого он накручивал на себя всё больше и больше пыли, пока не стал цвета земли или испорченного помидора.

Он не хотел уходить из этого макдональдса. Внутри него было лучше, чем там, снаружи. Внутри него он был среди людей, которых так ему не хватало.

Снаружи был мир, который он ненавидел. И в то же время любил, любил так явно и так рьяно, что именно это сжигало его изнутри. Он хотел, но хотел не любви, а близости людей. Он хотел чего-то, что не давало ему покоя с самого детства. Что-то изнутри, из глубины, требовало, требовало чего-то. Ему он не мог дать названия, не мог дать формы, не мог дать описания. Он пытался это изобразить, брал в руки кисти и выводил на холсте, и так уже набралось 16 картин.

Он пытался, делал, шёл. Но не вышло. И снова тайка гремит стульями, и крутится этот кусок курицы.

Но он не в депрессии, он не на пороге того, чтобы закончить всё. Нет, он как раз, кажется, в начале пути, в начале того, чтобы признать пустоту, одиночество, нелепость и грусть, заглянуть туда, внутрь, зачерпнуть из этого колодца кружку и выпить залпом, как рюмку водки. Но самое интересное наступает после. Ты выпиваешь из этого колодца, и вот тут

ты впервые заглядываешь внутрь, туда, вниз. Вот она вода, вот она гладь, и так и тянет вниз. Ты думаешь: а глубоко? Насколько? Что там внизу? Может, там кто-то лежит давно, на самом дне.

И вот, гремя, опускается ведро. Разматывается верёвка, и ведро касается водной глади, черпает, и тянут дети радостные ведро назад, чтобы принести бабушке в дом воды. И видят, как белый оскал челюсти плавает в ведре. Раздаётся крик, ведро летит вниз, и челюсть какого-то бедолаги, поблескивая заплombированными зубами, снова опускается на самое дно, покоится и дальше, где нет ни тревог, ни забот, ни проблем, ни этого поганого стука гремящих стульев.

Подумав об этой сцене с черепом и ведром, он, посмеиваясь, сел на мотоцикл, завел его и поехал домой спать.

Внутри

Что ж, подумал он. Впереди снова эти 3 месяца. Пока виза не закончится. Конечно, можно сделать виза-ран. Но ведь не сделаю, думал он.

Он чувствовал себя тайской уличной собакой, которая каждый день стоит у местного супермаркета, и всё, что делает, — это жалобно смотрит на выходящих из магазина зевак и обгоревших на местном солнце туристов.

Он, как эта облезлая собака, смирившись со своей судьбой, просто плыл по течению. Стремления, мысли, успех —

всё, что раньше придавало сил и захватывало, — осталось где-то там.

Так вот, хотя он и транслировал выгоревшего и выпотрошенного на берег дельфина, которого клюют чайки, внутри он так не считал. Это всё была маска, ширма, которая снаружи — потерянный, забитый, без дома, без семьи, без детей, настоящий отшельник, который жуёт булочку из супермаркета, сидя прямо на ступеньках в тени, и что-то бормочет себе под нос, подергивая рукой.

Внутри он был ещё тот самый. Горящий внутри огонь не давал ему покоя, прожигал насквозь. Он чувствовал это, сидя в макдональдсе. Он чувствовал это, выслушивая от начальника, почему он не получит премию в этом году. Он чувствовал это, когда спал, ехал в другой город, когда был в отношениях. Он ощущал это, слышал шепот того, его настоящего, который хотел, хотел величия, хотел правды, хотел признания, хотел, чтобы его услышали, чтобы его увидели.

И это рвало его душу, разбивало внутри него скалы о берег, сминая и превращая в пыль сомнения, отчаяние и поганые мысли о том, что всё не так и всё не то.

Тот же дом

Он просыпался в квартире, которую снял на 2 недели. Удивительно, хотя и не сезон и тут никого быть не должно, но все нормальные квартиры почему-то были заняты.

Он поселился в том же квартирнике, что и в прошлый раз. Хотя и тихое, спокойное место, но была одна жуткая деталь — это охранник-смотритель, сидящий у входа. Он заметил его ещё в прошлый раз. Таец, мужичок лет 45, который что-то вроде консьержа.

Каждый раз после 8 вечера он каждый день просто сидит у входа. Каждый день сидит, смотрит на дорогу, а потом около 10 вечера он сдвигает вместе несколько стульев, врубает вентилятор и спит в уголке за тумбой ресепшена.

И было что-то жуткое в этом, в этой жизни, в этом образе, в этом тайце. Что-то цепляющее внутри. И вот спустя 9 месяцев он снова заселился туда же, и таец снова там. Тот же стул, та же простыня, которой он накрыт.

И ещё ужаснее то, что таец был, видимо, при деньгах. Он хорошо одет, ест еду из кафе, у него крутой мотоцикл, но он так жил. Сидел каждый вечер на стуле и смотрел на дорогу. И сегодня он тоже на своём же месте.

Иногда он думал о том, чтобы также жить. Что он может сказать? Такие люди, что-то поняли, осознали.

С этими словами он побрел по ночной улице и зашёл в фойе отеля, чтобы просто сидеть на кресле и наблюдать за людьми.

Вот сидит компания, на столе бутылки пива, и они громко обсуждают что-то, кричат, рассказывают истории.

Вот сидят девушки и обсуждают что-то на своём языке, что-то важное, судя по всему.

Вот уже 4-й раз забегает в фойе сверху паренек лет 30 с огромным чемоданом и постоянно ставит его на весы, потом убегает снова наверх. Вот и снова он спускается: круглые глаза, суетливые движения, взвешивает и убегает наверх. Никто его не замечает.

А он замечал. Замечал людей вокруг, кто о чем говорит, спорит, думает. Он чувствовал пульс этого места, пульс этого момента времени.

В какой-то момент он подумал о той девушке в самолете, о том, как забавно спрашивал её: «А ты не будешь доедать салат». Никак она не выходила из головы. Он открыл ноутбук, написал заметку о прошедшем дне.

Перестал спускаться тот парень с чемоданом. Наверное, уснул, подумал он.

Скалы

Из этих всех мест в округе, чаще всего он был на мысе среди скал. Это продуваемый и омываемый океаном утес, который возвышается над берегом.

В этом месте было прекрасно всё. Дорога, куда можно было доехать по тайским идеальным серпантинам, потом резкий поворот на проселочную дорогу в горы, где внизу, у проката квадроциклов, его всегда ждала собака.

Он любил собак за их тусовость, за то, что они социальные и всегда такие: «Эй, чего, куда, погнажи, чеши меня, тереби

уши». Он любил быть среди собак, хотя и боялся их иногда, особенно в наших городах. А вот южных он любил и старался почаще с ними контактировать. И эта собака понравилась тем, что была крупная и смешная, теплая.

Там, наверху, на мысе, смотря вниз, он чувствовал себя лучше. Не то чтобы свободнее или что-то ему бы открывалось, нет. Это было то место, где он на какое-то время ощущал спокойствие.

Ещё чем это место особенно его привлекало — оно было достаточно недоступно для обычных зевак. Сначала на мотоцикле по ухабам и разрытой муравьями, собаками и ручьями после осенних дождей дороге наверх, а потом резкий спуск пешком и снова подъем.

Именно этот подъем и спуск до мыса ему нравился больше всего. Он излюбленно шёл и бубнил вслух, строил планы, думал, что делать, о стартапе, о том, как надо выбираться из всего этого. Это была его некая терапия.

Так вот, эти разговоры с самим собой были в этом месте особенно продуктивными. Это было тихое место, где его мозг наконец-то получал ту живительную остановку бесконечных мыслей о гонке, о том, что надо и как должно быть.

Послание

Спускаясь в очередной день по скале вниз, он ещё раз взглянул на остатки каната, точнее альпинистской веревки,

которую повесил на скалу 9 месяцев назад.

Руку чуть саднило, так как её искусали муравьи, которые успели забраться в этикетку от мармеладок, которую он, судя по всему, выронил вчера и решил забрать сегодня. Этикетка была полностью оккупирована, и армия муравьёв явно не хотела, чтобы он блюл тут чистоту.

Несмотря на искусанную трудолюбивыми сладкоежками руку, он ещё раз посмотрел на то, что осталось за 9 месяцев от 20-метрового каната. В этом был он. Вот он десятки раз в прошлый раз спускался, и родилась сама мысль — купить новый канат и закрепить его тут, чтобы люди, кто будет спускаться, не ломали себе ноги, а держались за него. В этом была его отличительная, та самая черта. Он будто бы кролик, который живет в клетке, но хочет что-то после себя оставить. Когда он его вешал, он радовался, думал о том, что люди будут спускаться, держаться за него и думать: «Какой классный человек повесил его тут».

Важно ему было что-то оставить, что-то, что жило бы на этой скале и без него, некое послание, посыл, артефакт, символ, как напоминание, что он жил, существовал, был.

Но хваленый альпинистский трос, который стоил 1000 бат, явно не выдержал проверку временем. Его распушило и истрепало так, что он переплёлся, и скорее с ним стало ещё опаснее даже спускаться, чем без него.

Отличная аналогия той жизни и того, что происходит, подумал он. Вот ты вешаешь что-то, что-то создаешь, остав-

ляешь послание, а потом возвращаешься, и оно истрепано, изорвано, превращено в жалкое подобие того замысла, который вкладывал в него его создатель.

И самое цепляющее было скорее то, что кто-то повесил другую веревку рядом. Она была хуже, простой белый канат, грубый, но все использовали его, и истрепанный старый болтался на ветру, всё сильнее и сильнее треплясь о камни и превращаясь в лохмотья.

Удивительная аллегория.

Когда он первый раз после приезда шёл на утес, ему даже сначала показалось, что каната его нет. Украли! Сняли! Он даже ощутил холод и жар, что-то прокатилось по телу, снова та самая всепоглощающая тревога, которую он так боялся. Он снова ощутил внутри, увидел тот образ, где он в бетонной коробке бьет по стенам, пытаюсь достучаться, а его не слышат.

Но канат был на месте, и ему стало спокойно. Холодок и жар прошли.

Он стоял, смотрел на этот истрепанный канат, держал его и смеялся, было так радостно и спокойно, по-настоящему спокойно.

Он спустился вниз.

Она

— Ух, ведь реально вернусь назад через 2 месяца, — го-

ворил он себе, сидя в полутьме, на камнях у самого обрыва, и разглядывал, как звезды мелькают в волнах и разбиваются о камни.

Он ощущал тепло камня, ощущал, как мокрый воздух, гонимый со стороны океана, проникал в легкие и обволакивал будто бы изнутри теплом, как пуховое одеяло, надетое будто бы изнутри.

— Да, уж. Мммм... да, надо будет податься таки на эти вакансии. Да, так, получается... нет, всё это ерунда, как же это достало.

Стало уже смеркаться, но было не темно. Проблески от звезд, играющих на камнях, освещали камни, и было в целом видно и сам утёс, и обрыв вниз, и огромный, теплый, приятный пласт камней вокруг.

Звук от волн доносился всё отчётливее и отчётливее. Тут он ощутил странное чувство. Что-то пробежало по спине, необычно, как маленькие жучки.

«Хммм», — подумал он.

— Так, да, надо таки составить док по стартапу. Ух, вот опять больше планирую, — он всё сидел на теплом камне и смотрел, как огоньки от стоящих вдалеке рыболовных лодок светили, будто светлячки, подмигивая друг другу.

Он уже собирался назад, но звезды продолжали отражаться на волнах, и он никак не мог подняться, думал о жизни, о возврате назад домой в сентябре и о своём дне рождения. Но благо, подумал он, что наконец-то перестал думать о той

из самолета.

Наконец он встал, схватил рюкзак, повернулся и сразу же упал назад, больно ударившись ногой о выступающий камень. Он даже издал какой-то звук, который раньше никогда в жизни не издавал.

Перед ним стояла девушка, буквально в 2 метрах, и смотрела на него. Его затрясло, дыхание перехватило, он ощутил, как в кровь хлынул адреналин, и мышцы начали наливаться теплом, в голове полетели тысячи мыслей будто бы одновременно.

Он так и лежал, сидел на камне, подвернув ногу, и с пересохшим ртом пытался нащупать в рюкзаке воду, так как рот не слушался вообще, и он лишь двигал губами, как рыба, пытаясь что-то сказать.

Девушка смотрела на него. Белые волосы, джинсы, белая футболка, кроссовки. Она смотрела на него своими большими яркими глазами, будто бы смотря куда-то внутрь.

Эта сцена длилась минут 5. Он щупал в рюкзаке неряшливо руками, открывая и закрывая отделения в поисках так нужной воды. А она смотрела на него, не сводя глаз.

— Воды? — сказала девушка.

Он кивнул, сам не понимая почему.

— Вот, — она подала ему бутылку воды, которую держала всё это время в руках.

Он взял её и начал пить, как собака, которая проснулась на пляже после полуденного солнца и пыталась как можно

быстрее напиться.

Пока он пил, девушка не сводила с него глаз. Она смотрела так явно, что казалось, она видит его душу, видит, кто он. Пока он пил, и наконец-то мысли начали возвращаться, он уже мог что-то говорить, но пока не мог собрать воедино мысль.

Адреналин уже почти перестал действовать, и наконец-то он смог выдать:

— Ттыыы, чего, ты чего так пугаешь!

Она невозмутимо смотрела на него, будто бы не слыша, что он говорит. Ему даже стало не по себе, он даже подумал, что она какая-то чудная или местная сумасшедшая.

Но она не выглядела как дурочка, нет. Наоборот, что-то в её лице, выражении глаз, мимике, том, как она стояла — уверенно, спокойно, невозмутимо, — выдавало то, что она явно тут не просто так.

И она была клёвой: белые волосы, большие глаза. Её волосы отражали последние остатки лучей солнца, и диск заходящего солнца желтым оттенком поигрывал на её футболке, отчего казалось, у неё из груди выходят маленькие жучки, которые разбегаются по её рукам и ногам, уходят в землю, растворяясь в темных камнях.

Наконец он напился воды, рот начал двигаться, и он почувствовал, что может говорить.

Гостья

— Ты чего это, ты давно здесь стоишь?

Она молча смотрела на него ещё какое-то время и протянула ему руку.

— Ты не ударился?

Её голос звучал странно, удивительно знакомо. От её голоса внутри него что-то проснулось, что-то глубоко, внутри.

Он уже ощущал, как сердце перестало биться, и только после её слов он понял, что всё это время так и сидел на камне, и поднялся.

— Больно? Прости, что напугала. Я услышала, как ты говоришь, и решила подойти.

От её голоса ему снова стало не по себе. Всё это время она не сводила с него глаз, в которых, казалось, отражается то, что она видит, видит внутри него. Ещё его смущало и даже цепляло то, как она стояла. Мягко, легко. Казалось, что она, как меховая игрушка, спокойно стояла на скале, будто бы её тело находилось в каком-то идеальном балансе.

— Говорю?

Тут в его голове начали нестись уже обычные, знакомые ему мысли. Прошла новизна, смущение, страх, и он ощутил, как становится собой. И ему даже стало от этого легче, он ощутил контроль над ситуацией, так как его мозг начал работать в привычной конфигурации.

— Ну да, про свою жизнь. Про работу.

— А, да...

После этих её слов в его голове мысли закрутились в огромный водоворот. Лицо покраснело, и смущение и стыд заменяли собой всё больше и больше ускользающий из тела адреналин, и накатила волна, привычная и в то же время так его бесящая, — депрессивная безнадёга.

Он начал думать, что вот классная девушка, и наконец-то на этом дурацком утесе кто-то есть, и это не просто кто-то, а девушка, и классная. И, как обычно, всё испоганено тем, что он бурчал про себя как дурачок, и она всё слышала.

Он начал перебирать в голове, что он говорил, что она услышала, и ему стало стыдно и нелепо. Снова накатила тоска и отчаяние, такое знакомое и нелепое, неуместное ощущение.

— Ты в порядке? — она спросила и взяла его ладонь в руку.

Мгновенно все мысли остановились, и он снова ощутил эту всепроникающую волну, как взрыв. Она растекалась из центра груди и проникала в каждую клетку, будто бы что-то хорошее и прекрасное влезло в его голову и начало там обустраиваться.

Она подошла ближе и так и держала его за руку. Её глаза смотрели на него, в самую глубину, туда, куда он сам боялся заглядывать.

Истории

Уже стало темно, и рыбаки в море зажгли синие фонари, и стало казаться, что это стая кашалотов переговаривается фонтанами брызг, мерцающих вдалеке.

В самом низу, на выступе древней скалы, сидели двое — парень и девушка, смотрели вдаль на огоньки в воде, и казалось, что они сидят так долго, что эти камни и эти волны переговариваются с ними, будто бы они были здесь ещё тогда, когда эти камни и эта вода встретились впервые.

Он уже совсем успокоился и привык к ней, и, как обычно он делал при встрече с другими людьми, он начал рассказывать истории. Он очень любил истории, смешные моменты и тут не преминул начать их рассказывать тоже.

Он рассказывал всё подряд: про то, как ездил в ГОА, про своего пса, который был в детстве, а она слушала.

Ему впервые за многие годы стало спокойно, будто бы внутри что-то встало на своё место. Он ощутил, будто бы сжалось всё до некой точки сингулярности, до некоего момента, который случился именно сейчас. Он ощутил миг, что вот он, смотри, какой мир.

Она рядом, шум моря, свет звезд, обволакивающая темнота вокруг.

Он так много говорил, а она слушала, что в какой-то момент ему стало неловко, он замолчал и посмотрел на неё.

Она посмотрела на него тоже. Они так и сидели, уставившись друг на друга, и просидели бы так и дольше, если бы на самом верху утеса, где жили местные, не зажгли прожектор, освещающий флаг, который, судя по всему, служил ещё и чем-то вроде маяка-ориентира, указывая лодкам вокруг, как далеко они от берега.

— Пойдём наверх? — сказал он.

Он не хотел это говорить и сидел бы так ещё до самого утра. Но внутри уже заговорил внутренний критик и начал давить: «Вы засиделись, она подумает, что ты фрик, что ты покажешь, что привязался».

Он встал, и они начали карабкаться на утес.

Идя к мотоциклу, его внутренний критик и голос совсем разошлись, мысли летели, он думал, что сказать, как взять её контакт, что она подумает. Он даже в этих мыслях оступился и ударился о камень, торчащий на тропинке наверх.

Вдруг она снова взяла его за руку, и мгновенно снова, снова это случилось. Мгновенно голос внутри затих. Снова пошла волна будто бы откуда-то изнутри. Стало тихо, по-настоящему тихо. И эта тишина была странной. Поглощающей, внутренней. Она разливалась, как тёплая сметана по небу, затекала в горло и покрывала будто бы внутреннюю сторону тела.

Критик

— А ты далеко живёшь? — спросил он её, уже подходя к мотоциклу. Всё это время, пока они поднимались, он думал о том, как задаст этот вопрос, и его руки вспотели, а между лопаток, как назло, что-то защемило так, что голова стала вращаться чуть медленнее, так что, говоря это, он повернулся боком.

— Недалеко. Я вызову такси, ты езжай.

«Ну понятно», — подумал он, и его чуть-чуть затрясло. И тут его назойливый критик и перегретая дофаминовая система ещё с приезда с Москвы включили злобу, и он почувствовал отчаяние и был готов прыгнуть на мотоцикл и уехать, и забыть её.

Он думал о том, чтобы сказать: «Может, подвезу», — но вовремя собрался и решил так, что не надо навязываться и стратегически правильно уехать.

— Давай обменяемся контактами.

— Не стоит, — сказала она, открывая приложение такси.

«Зло», — подумал он, но не подал виду и, попрощавшись, сел на мотоцикл и уехал. Через 600 метров, уже на спуске, он остановился, так как неугомонный критик внутри его головы вопил, кричал, обзывал его ничтожеством, трусом, корил его за то, что он такой трус и что надо было настоять.

Но он вовремя его остановил и, собравшись с мыслями,

поехал дальше. Он ехал молча, внутри была какая-то гнетущая тишина. Странное чувство проникло в его мозг и как будто бы начало в нём обустраиваться, осматривая новые владения.

Было ощущение какого-то обрыва, будто бы что-то только что было, что-то прекрасное, что-то, что придавало смысл, некая сущность самой жизни. А теперь это резко забрали, как игрушку, вырвали из рук, и вместо неё осталась пустота.

Эта пустота была не такой, как раньше, глубже, липче, она рождалась откуда-то изнутри, будто бы подпитывалась внутренним источником питания, который выдавал ток, достаточный, чтобы прожечь душу, плоть, и, казалось, то небольшое, что ещё было ему важно и ценно. То, что держало его, связывало с собой, делало тем, кто он есть, казалось, ускользало вместе с увеличивающимся расстоянием от неё.

Молча доехав в этот проклятый кондоминиум, он зашёл домой, включил компьютер и минут 10 смотрел в экран. Он не хотел ничего, просто пережить этот день.

Утро

Стало легче. Он открыл глаза и пытался переосмыслить вчерашний день. Нога, на которую он упал, здорово саднила, и он с трудом смог одеться, чтобы выйти за водой в супермаркет у дома.

Он выпил, наверное, 5 или 6 чашек кофе и никак не мог

проснуться. Голова была будто бы ватная, ему казалось, что внутри головы туман, и он не мог нормально сконцентрироваться даже над тем, чтобы внести текущие рабочие задачи в трекер активности.

Ему снился странный сон. Раньше он видел яркие и интересные сны, но в последнее время они стали пресными, жуткими.

Но сегодня ему снился другой, совсем другой сон. Ему снилось, что к нему бегут жучки, разливаясь перламутровым цветом. Их становилось всё больше, и они вбегали по его ногам, и он ощущал, как тысячи маленьких лапок цепляются за него и залезают под кожу. И это было удивительно приятно, необычное ощущение. Он всё утро думал о том, что это было так приятно и так красиво, что ему хотелось испытать это ещё раз.

Целый день он так и проработал в тумане. К вечеру стало невыносимо, и он решил поехать снова на утес — он хотел увидеть её! Хотел! Он не мог отделаться от этой мысли. Но это было странным желанием, оно будто бы шло откуда-то изнутри. Это было что-то сродни желанию окунуться в тёплую воду, занырнуть на самое дно, туда, где будет тихо, спокойно, где будет приятно от невесомости тела. Где не будет звуков, только ощущение момента.

Так прошло 3 дня. Так и ездил он на утес, так и сидел там каждый раз до самой темноты. Но её не было.

Снова Макдональдс

Прошло ещё 10 дней, и она вспоминалась всё реже и реже. Он уже почти вошёл в рабочий ритм, и уже, всё было как в Москве, тяжело, грустно и всё бесило.

Жизнь вошла в своё рутинное, обычное положение, дни полетели.

Каждый день он ездил на утёс и в макдональдс, где сидел допоздна. Так как уже было лето и сезон дождей уже давал о себе знать, дождь шёл каждый день. Но, конечно, это была не та стена дождя, как в ГОА, где промокает и гниет всё, от асфальта до резиновых тапок.

Но дождь стабильно шёл с 11 часов вечера до 2 часов ночи, и он использовал это время, чтобы в тишине писать книгу, так как конкурс был уже совсем близко и ему надо было написать первую главу и отправить её до 29 июня.

Он уже знал распорядок этого макдональдса. Вот в 21:00 приходят тайцы после работы в ТЦ и что-то обсуждают, кричат, показывают друг другу в телефоне.

В 22:00 приходят байкеры после своих покатушек по острову.

Но он не контактировал ни с кем, только тихо злился, когда кто-то гремел стульями или громко разговаривал.

Уже пошёл дождь, и он ждал, пока остынет кофе. Но тут ему показалось, что мелкие жучки, переливаясь радужным

золотисто-фиолетовым светом, бегут по окнам кафе и расступаются перед каплями дождя.

Открылась дверь, и он увидел её. Это была она! Он не мог в это поверить, он даже схватил бутылку воды и прислонил её к лицу. Нет, всё было настоящее. Она была настоящая! Она тут!

В голову мгновенно хлынул адреналин, голова закружилась. Он ощутил толчок в груди. Хотя он был не очень сильный, как в прошлый раз, но чувство было уже знакомое. Он поймал себя на мысли: «Что уже было не так сильно». Странная, но весьма явная мысль.

Бургер

Она была одета точно так же: та же футболка, джинсы и белые волосы, чуть набежавшие на лоб и на глаза, которые светились так же, как в прошлый раз. Она посмотрела на него, по его ногам пробежала волна. Он улыбнулся, и она тоже.

Она подошла к терминалу для заказа еды. Он смотрел на неё, смотрел, как она стоит, на её спину, на ноги, на лодыжки, которые были видны, так как джинсы были закатаны над кроссовками.

Он почувствовал, что во рту снова пересохло, и, как назло, воду он не стал заказывать, а пить кофе он не хотел, так как сердце и так казалось, что сейчас выпрыгнет из груди.

Такой, с пересохшим ртом, он и подошёл к ней.

— Привет, рад тебя снова видеть.

— Ха, я так и знала, что ты тут. Пережидаешь дождь?

— Типа того.

Она заказала огромный бургер и колу. Он смотрел на неё, а она — на него. Так они и стояли.

— Знаешь, у меня есть к тебе предложение. Пойдём сядем за стол. Вижу, у тебя кофе остывает, — сказала она, забирая заказ.

Они сели, и она начала есть бургер. Она держала его руками и ела так, будто бы делает это первый раз. Казалось, что она удивляется его вкусу. Она так жадно его ела, что он даже сам подумал, не взять ли ему тоже.

В какой-то момент она остановилась. Посмотрела на него.

— Доешь?

— Да, — сказал он, смеясь.

И уже он его жадно ел и смотрел на неё. А она пила колу из трубочки. Это было так нелепо и забавно, что он даже ощущал, как внутри него что-то менялось. Казалось, что какие-то шестерни завелись, и вращение от них начало передаваться по всему телу и докатывалось до глаз, ушей, носа и разливалось по щекам.

— Так вот, что я хочу предложить, — сказала она, не убирая далеко трубочку и стакан с колой. По стакану пробежали несколько капель и упали на стол, разлетевшись и посверкивая, как жучки, перебирая своими маленькими лапками.

— Ммм... и что? — смущённо спросил он с полным ртом, забитым остатками бургера. Даже пара крошек вывалилась у него изо рта, и ему стало неловко.

— Ну вот твой тот диалог, где ты на утесе говорил...

Остаток бургера застрял у него во рту после этих её слов, и он даже перестал пытаться незаметно смахнуть выпавшие из рта крошки и посмотрел на неё.

Он был похож на хомячка с выпученными глазами и раздутыми от еды щеками.

— Говорил?

— Ну да, про то, что ты хотел бы чего-то большего, жизни, иной жизни.

Он покраснел, как праздничный гусь, которого довольный глава семейства пек целый день и теперь с нетерпением хотел подать на стол, чтобы порадовать семью.

— А, ну да...

Булка от бургера никак не хотела пролезать дальше и стояла посреди горла так, что он судорожно шарил по сумке в поисках бутылки воды.

— Я могу помочь. Давай так, у тебя ноутбук с собой?

— Да, — сказал он. Булка, кажется, размокла сама и проскочила дальше. Ему стало легче.

— Доставай, — сказала она, смотря на него своими живыми и большими глазами.

Невольно он сам потянулся к ноутбуку. Но вовремя одумался.

— Ты чего?

— Доставай, — сказала она и снова начала пить колу, булькая и вытягивая, казалось, уже больше воздуха, чем напиток. На дне перекатывались почти растаявшие кусочки льда.

Он достал ноутбук и открыл его. Она села рядом с ним, и его передёрнуло. Он почувствовал нечто удивительное и странное, незнакомое. В голове промелькнули огоньки, свет, солнце, закат, какие-то сцены из детства. Он вспомнил, как уезжал из дома в 17 лет учиться за 2000 км в Санкт-Петербург. Кажется, в это мгновение он вспомнил, кто он, зачем мечтал, что давало ему силы и мотивацию работать, учиться, не опускать руки, даже когда было невыносимо, даже тогда, когда казалось, что всё потеряно.

Он ощущал её рядом, её дыхание, такое спокойное и ровное. Она дышала так глубоко, так тихо, еле уловимо, ему даже стало казаться, что в какой-то момент она вообще перестала дышать.

Вакансия

— Так, — она придвинула ноутбук к себе и начала вбивать сайт с вакансиями.

— Ммм... ты чего? — удивлённо спросил он.

Она не обращала на него внимания и листала вакансии. Потом внезапно остановилась.

— Вот. Шли сюда резюме.

— Резюме?

— Ага. Где оно у тебя?

Она начала рыться по папкам.

Тогда он наконец-то допил кофе и взял у неё ноутбук. Он посмотрел на вакансию: «Руководитель команды разработки».

— Не, меня сюда не возьмут, я не пройду собеседование. Там нужен другой язык программирования, видишь, я его не знаю. И тут... вон, видишь, они хотят знание RSU. Им нужен тот, кто умеет обучать агентов.

Она смотрела на него всё это время, не сводя глаз. Она была неподвижна, только её грудь и плечи немного поднимались в такт дыханию.

Так они смотрели друг на друга около минуты.

После чего он ещё раз открыл вакансию, молча. Загрузил резюме и нажал «Податься».

— Классные тут бургеры. Будешь ещё?

— Да.

Так и сидели они вдвоём, ели бургеры.

Поле подсолнухов

— Знаешь, мне иногда кажется... — сказала девушка, посмотрев на парня, который шёл рядом и смотрел куда-то наверх.

— Что? — не сводя взгляда с неба и будто бы видя что-то там, наверху, в проплывающих облаках, сказал он.

Они оба замолчали и шли дальше по летним сумеркам, по заброшенной деревне, по тропинке между домов. Вокруг стояли покосившиеся дома, где-то всё ещё в разбитых окнах отражались одежда, кровати, шкафы, набитые вещами своих прежних хозяев. Казалось, что вот-вот из дверей домов выбегут дети, весело шумя, под ворчливые крики бабушек и дедушек.

— Сколько нам ещё идти?

— Близко, почти дошли.

Деревня закончилась, и они вышли на поляну, усеянную подсолнухами. Подсолнухи повернулись в сторону закатного солнца, будто бы пытаясь поймать последние лучи солнца перед ночью, впитать последние капли отблесков и искорок вокруг, чтобы пережить эту ночь.

— Я хочу пожить обычной жизнью, хочу жить как раньше, хочу снова почувствовать, каково это — просыпаться по утрам, каково это — жить, не зная, чувствовать, ощущать, — сказал он, проходя мимо подсолнухов и оглянувшись на неё.

— Ты серьёзно?

— Да, хочу прожить одну жизнь как человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.